

Советская Россия
26.11.57.

Ворожежские артисты на гастролях в столице

Сцена из спектакля «Варяги». Варяги — артистка А. Манрова, Пами — артист В. Юрзул.

ОБРАЗ НАРОДНОГО ПОЭТА

«АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ»
в ВОРОЖЕЖСКОМ
ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

Всегда счастливый спектакль ворожежский, особенно хочется отметить в нем талантливое искусство, о котором театр, который глубже и вернее подхватил черты национально-русского характера, сумел передать его мужественность и задушевность, высокой логикой и драматичностью глубины, самоотверженности в борьбе.

Трагическая судьба самоубийцы поэта Алексея Кольцова является всем. Но отчего она, воспринимается зрителем, заставляет пережить мимолетные, в которых горечи и боль соединяются с радостями эстетического наслаждения? Ответ, конечно, что театр сумел показать своеобразие искусства, в котором самое лучшее для русского человека полнота до общечеловеческого. Рассказ об Алексее Кольцове, его личной жизни, об истоках его дарования и рождении его песни, этот талантливый рассказ в крупнейшем театре России будет чувствами, как и как бы народом он ни принадлежал.

Спектакль «Алексей Кольцов» решен в необычайно своеобразном стиле. Драматургия — так важна театральная работа. И действительно, литературный спектакль является песня Кольцова, это не музыкальный аккомпанемент, не иллюстрация к драматическому действию. Дух, интонация органически объединены с народными, без которого нет и не может быть спектакля.

Первый сценический аккорд звуковых, чистых голосов. Поднимаются занавес, великие человеческие группы, древнерусских парней и девушек. Они то летят тесными рядами на ступенях павильона, то свободно расходятся в широкой зале, то сходятся стеной, заслоняя умирающего Кольцова. Невнятный хор, как эхо, подхватывает слова песни «не пугайся, речка, неслыханно холода», потом замолкает. И мы видим на сцене и возмущает озабоченное лицо Кольцова — артиста С. Овчинникова, слышим его горючий шепот, вновь подхватывая хором: «Ты не бой, косярь, про широку стень»...

Какой синтез песни и драмы как искусно соединено широко, но в этом спектакле он является выражением идей художественной концепции, которая последовательно вытекает из постановки Ф. Шлегеля. Органическому слению драматического действия и музыки, песни поются и режиссерской постановкой художником В. Юрзулом, что придает не контраст с обаятельной задушевностью меланхолического пропе, особенно بقوة выразительности красоты, поэзии русской природы, широты и простора вольной жизни.

Красивый художественный замысел спектакля включает свое поэтическое выражение в чрезвычайно точном раскрытии образа самого Кольцова. Автор песни ворожежский писатель В. Корсаков отлично уловил и передал те стороны жизни Кольцова, которые волнуют нас и сегодня. Он проливал свет от возмозможных чужих звучных звуков той эпохи с нашими замислами и идеями. Притом не сыгранная первая сцена встречи Белинского (артист В. Саломов) и Кольцова воспринимается как вздох ко всему спектаклю. Становится и тесно звучит строки: «Наш у себя кушала сосиски, наш путь кут все задался?»

Кольцова, каким его рисует артист Овчинников, человек очень застенчивый,

внутренний, влюбленный, зрячий, но и горе мучит его внешней обидой, но душевная чистота, дружба и милость становится лишь губкой, которую А. Кольцов, создавая, риди-валовство стужений, вздох и порой даже дерзость поэта. Поэту решимость поступать по справедливости и чести как будто вступает в противоречие с другой чертой характера Кольцова: мало у него сил противостоять обидным козням жизни. Но актер очень точно передает эти свойства, и образ Кольцова становится живым, вымысла участие и сердечную теплоту к человеку светлостю и чистоту, но плечи застенчивому от горючих бузней действительности.

Великое обаяние актера в тех сценах, где раскрывается внутреннее возмущение человека. Овчинников не дает внешних примет таланта, влияние его герой все так же прост и неукротимый, его интонация возмущается, обмывает с жизнью дождя и бури. Но за этим тонким все время угадывается внутреннее горение, беглые мысли. Внутренний мир не может быть раскрыт в тишине. Совокупление двух этих планов — поэтического уклада всей жизни Кольцова и выразительности его действия — складывается точно, обдуманно, с большим тактом и вкусом. Чем обаятельнее и поинее эти моменты, обнаруживая его, тем сильнее мы ощущаем трагизм его нелепой жизни.

Вместе с Кольцовым — бездельный крепостной Кирюха в Тихона, Николай Миронович, Дуванко. Каждый из них имеет свои судьбы и законченную социальную жизнь. Через эти образы глубже постигается и самый характер Кольцова. Действительно, безстрашие, богатая сила, мужественная красота Николая и прекрасное исполнение С. Саломова особенно рельефно подчеркивает бесстрашие нормы большого поэта, его неадекватность, жажду душевного равенства.

Точно выходя способность Кольцова глубоко любить, мало видеть сгустом с крепостной девушкой Дуванкой (артистка Т. Павлова). Остается лишь сказать, почему она умирает и почему о ней так много говорится.

Много раз на сцене показывали нам и Н. Юрзулов В. Ротиную воспринимается как образ свежий. Это не просто добрая старушка, она за-

щитница и первый друг поэта.

Обаяние сцен и спектакля образ Тихона. Эпиграммическая роль в исполнении А. Чернова вызывает до символического образа русского крепостного мушкетера, которого, раздвигая, заставляющего ипостаси и личностного своим горючим тоном в каком-то старом павильоне востает. Тихон — первый в постановке, личных убийствах и покаянии, бесов, с сеченной желанностью борющейся — душа обиды и страсти, первый и последний в суровых раздвигании, прощания и угрозы, открывая нам истинное душевное состояние Тихона. Мастерски сыгранный колоссальный анализ обнаруживается подлинный трагедий.

Да, песни, романсы, колоссальные, раздвигались в степи, на полях, в мушкетерской неволе. В них и тогда любовь, «без любви, без счастья ни миру светится: раздвигаясь с безом, с горем подстраивается»; и раздвигая широкое, и любовные русской природы. В них подлинная красота человеческой жизни.

Важно так глубоко национальным, народным, драматург и театр поставили: то, что сделало Кольцова национальным поэтом, мало, с одной стороны, от революционно настроенной части крестьянства, с другой — от влияния идей великого революционного демократа Белинского. В спектакле очень заметна благоприятная атмосфера известной статьи Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова» не только в жизни воспринимая образ героя, но даже в восприятии спектакля.

Открытая, захватывающая нежность Вуладова местного масштаба Кольцова (артист А. Паламид), душевная страсть чиновника Карачинского (Е. Карачинский) дедов, наивность, нежность человека мелкого убоиства, грустное и тяжелое презрение богатого помещика Баймака (Н. Ермолов) — вот что возмужало у ворожежского «общества». Страстное его увлечение Варягой Лейстер (артистка А. Манрова) естественно внесло разлад в его отношения с «обществом» и подтолкнуло к окончательным своим ролям.

Удивленные нами первые два спектакля ворожежские (я вижу и вижу и «Варяги») отмечены каких-то душевных переживаний, чистотой. Жизнь показана в них неслыханно — и героизма, и дурная, в них нет равной, сдвоенной поэзии. Они мужественны, деловиты, строгие, в них и русское острое слово, и выжидательная жизнь, и горечь страдания. Но они не лишают дух, возбуждают веру в силы человека, в его красоту и величие.

Г. КОРМУШИНА.

Алексей Кольцов — артист С. Овчинников. Рисунок художника А. КОСТОМОЛОВОГО.